

ПРИЕЗД АФИНОГЕНОВА

Ленинские рассказы
Г. Брянск

6
МММ 1984

Исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося советского драматурга А. Н. Афиногенова. Об одной из своих пьес Александр Николаевич 55 лет назад рассказывал далеким предшественникам нынешних сотрудников редакции «Брянского рабочего». Автору этих воспоминаний было бы тем более приятно увидеть их на страницах брянской областной газеты, что сам он в конце двадцатых годов возглавлял один из отделов «Брянского рабочего».

КАМ, на Советскую, 19, он пришел прямо из губкома партии, находившегося через дорогу от редакции. Оглядев с порога комнату, в которой располагались «в тесноте, да не в обиде» сразу четыре отдела, Афиногенов присел на подоконник и весело сообщил:

— Ну, друзья, все в порядке! Договорился с агитпропом Резниковым, что проводим конференцию зрителей с помощью нашего театра.

Первая театральная конференция в Брянске... Мысли о ней давно были и у главного режиссера городского театра Г. А. Мирского, и у прежнего редактора «Брянского рабочего», известного театрального критика Б. Е. Гусмана (впоследствии — директора Большого театра СССР), и у сменившего его И. Д. Лотиша, бывшего работника ленинградского издательства «Прибой» и завязтого театрала.

Остановка была за главным — за зрителем. Плохо он, сердечный, шел в свой театр. В лучшем случае зал заполнялся наполовину. Мало толку, что на брянской сцене играли отличные актеры, начиная с Н. М. Шульгина (переехав в Баку, он получил звание народного артиста Азербайджанской ССР), Токаревой, Галицкого, Сверчкова. Не помогало и то, что театр часто выпускал премьеры, причем ставил такие «остросюжетные» пьесы, как «Человек с портфелем» А. Файко и «Крушение республики Игль» Б. Лавринева. Не способствовали повышению посещаемости даже благожелательные рецензии в обеих губернских газетах — «Брянском рабочем» и «Путь молодежи».

Зато недавно открывшийся вместительный «Цирк—кино» ломился от публики. Здесь выступали именитые гости из столицы — И. М. Москвин, Эммануил Каминка и Виктор Хенкин, чудесная певица А. И. Загорская. А после очередного кинофильма на арене появлялись... львы, медведи, крокодил, удав «единственным» в СССР укротителя диких зверей, участника многих фильмов Н. П. Гладильщикова» (цитирую из рекламного объявления в нашей газете).

Какие же большие усилия требовались, чтобы выправить очевидный «крен» в работе по художественному воспитанию трудящихся и поднять интерес зрителей к театральному искусству!

Перелом наметился в лето 1929 года. Брянск впервые ознакомился с таким бесподобным коллективом, как студия Малого театра, возглавляемая изобретательным режиссером Ф. Н. Каверным. Молодые актеры, многие из которых стали крупными мастерами сцены (например, П. Оленев, К. Половикова), буквально пленили зрителя в спектаклях «Кинороман» Г. Кайзера, «Пурга» молодого ленинградского драматурга Дм. Щеглова, «Дикарь» по повести Вольтера «Простодушный».

А в августе к нам нагрянул первый рабочий театр московского Пролеткульта. Слово «нагрянул» не случайно, так как театр, во главе которого и стоял А. Н. Афиногенов, пробил себе дорогу разом на две сценические площадки

— в Брянске и бежицком Доме культуры, притом вопреки сомнениям малозверов, что «зритель не пойдет»:

— У нас, мол, в «Волчьей тропе» Шульгин здорово играет, да зрителью ничо чем, а чем ваша «Волчья тропа» лучше?

Но Афиногенов вместе с директором театра Томашевским сумел пробить «глухую стену» недоверия и добился, что в Брянске и Бежице смотрели пьесы «Гляди в оба», «Малиновое варенье», «По ту сторону щели», которые он сам написал.

Узнав, что с конференцией зрителей у нас ничего не получается (одна попытка с выездом артистов Брянского театра на швейную фабрику попросту провалилась), Афиногенов недовольно поморщился и побранил нас за мягкотелость.

— Люди вы молодые, малоопытные, — говорил он работнику Губполитпросвета Н. Воронцову и мне (Воронцов — председатель художественного совета Брянского государственного театра, я — его заместитель), — потому и не знаете, с какого краю начать, учиться у великого МХАТа, который сумел наладить прочные творческие связи с фабрикой «Красная Роза» и привлечь в старые стены нового, рабочего зрителя.

В жаркой беседе Афиногенов доказывал, что рабочие любят театр, надо только «заразить» их вдохновенным, высококоидейным искусством, пустить в дейши, как он выразился, «театральную струю».

— А что касается конференции зрителей, то весь коллектив нашего театра поможет. Увидите, что люди придут и останутся в зале после спектакля, чтобы участвовать в обсуждении.

Организатором он оказался блестящим. Зрители не только заполнили зал, но и остались на своих местах, когда Афиногенов объявил, что сейчас предполагается поговорить о делах театральных и высказать желающим свое мнение.

Подлинно боевой, страстный, со ссылками на Маркса и Ленина, любивших театр, доклад Афиногенова о значении советского театра в деле коммунистического воспитания послужил хорошим запалом. Из дальних рядов партера и с балкона посыпались залиски и поднялись руки желающих выступить с трибуны. Людям явно понравилась, что работники театра интересуются их мнением.

Хорошо запомнилось, как один из выступавших услышал за спиной скрип передвигаемых стульев, сдержанный шепот на сцене и невольно обернулся в сторону президиума. А это, оказывается, пришло все бюро губкома во главе со старым большевиком И. С. Шелехесом. С очередного заседания они в полном составе направились в театр.

Афиногенов сиял. Он был очень доволен, что дал толчок большому, полезному делу. Сам он был, несомненно, человеком действия. Об этом говорят не только пьесы, которые он успел написать за сравнительно короткую жизнь, начиная с первых опытов в «пролеткультовском жанре» и кончая согретой добротой «истого сердца

«Машенькой» (1940), до сих пор не сходящей со сцены. Можно сказать, он неутомимо «гонялся» за материалом, цепко выхватывая его из кипучей трудовой жизни.

Не будучи осведомлен, что Александр Николаевич — человек легкий в общении, я не только удивился, но и несколько растерялся, когда он запросто, что называется, на равных, стал рассказывать о своих задумках и спрашивать, как я смотрю на тот или другой сюжетный ход. Ведь я уступал ему и по возрасту, и по опыту, и, конечно, по развитию.

Здесь, в редакции, от Александра Николаевича я впервые узнал о его будущей пьесе «Чудаки». Он придавал ей особенное, так сказать, поворотное значение, так как от злободневной агитационности своих пролеткультовских пьес хотел перейти к глубокому исследованию человеческих характеров и социальных процессов. Как известно, «Чудаки», писавший в год приезда Афиногенова в Брянск, — одна из первых пьес о строительстве социализма, о борьбе рабочего класса против бюрократических рогаков и делячества.

Афиногенов не скрывал, что героя будущей пьесы, беспартийного энтузиаста Волгина он высмотрел на строительстве одной из новых электростанций.

— Вот только беспокоюсь, какому актеру под силу эта роль. Тип-то необычный, не штамп... А плохое исполнение завалит асю пьесу.

Забегая вперед, скажу, что опасения драматурга, к счастью, оказались неосновательными. Да, «Чудаки» с трудом пробивался на сцену 2-го МХАТа в Москве и академической драмы в Ленинграде. Да, раздавался неприязненный голос, упрекавшие его в искажении жизненной правды. Но зрители в общей массе приняли и оценили смелый замысел автора. На премьере его приветствовали горячими аплодисментами. Историки советского театра теперь признают, что Афиногенов и его герой смотрели далеко вперед. Недаром год написания пьесы — это год широкого развертывания социалистического соревнования и движения ударников производства.

Не прошло и года после встреч с Афиногеновым в Брянске, как мне посчастливилось увидеть «Чудака» в Ленинграде на сцене театральной драмы, который ныне называется именем Пушкина. Спектакль вылился в триумф двух актеров младшего и старшего поколений — начинающего А. Ф. Борисова и знаменитой «Кети Катин» — Е. П. Корчагиной-Александровской.

«Последний раз я видел Афиногенова в Ленинграде на Невском проспекте за месяц до начала войны. Светлый осенний день. Голубое небо. Золотится шпиль Адмиралтейства. Ничто не предвещает близящейся беды. Афиногенов стоит прямо перед зданием новой школы, на стене которой навечно будет оставлена надпись военных лет: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна».

Меньше полугода оставалось до трагического дня 29 октября, когда этот замечательный человек, верный сын партии, выдающийся драматург погибнет от фашистской бомбы, разорвавшейся в центре Москвы.

О. РИСС.

г. ЛЕНИНГРАД.